Дмитрий Лисицин: Блуждающий храм

Полыхающий огнем конфликт вокруг строительства храма св. Екатерины в Екатеринбурге был неотвратим, поскольку изначально события развивались в логике позиционного торга.

Это должно было случиться, но, как всегда, произошло неожиданно. В Екатеринбурге не утихают протесты против строительства храма в сквере возле театра драмы. Ситуация напоминает фильм-катастрофу: публичные истерики, битвы протестующих с ОМОНом. Как всегда, реальная информация утопает в море полуправды и лжи, одна из сторон ищет провокаторов, другая – предателей в своем лагере (порицанию уже подверглись бывший мэр Евгений Ройзман и рок-музыкант Владимир Шахрин, не выразившие явной поддержки протестующим). Как и во всяком большом конфликте энергия протеста ищет мишень, в данном случае ей чаще всего оказываются региональная власть и церковь. Хотя субъектами этого конфликта они являются поневоле.

Дмитрий Лисицин

Два металлурга

Крупное многослойное публичное событие обычно уничтожает свой источник — в разгар войны мало кто помнит, кто дал для нее повод. Но не в случае конфликта вокруг храма святой Екатерины в Екатеринбурге. Столкновения по поводу храма формируют информационный и во многом эмоциональный фон подготовки к 300-летию Екатеринбурга в 2023 году, одним из важных элементов которого он и намечен. Все началось с того, что два видных екатеринбургских металлурга — гендиректор УГМК Андрей Козицын и совладелец РМК Игорь Алтушкин — решили сделать подарок Екатеринбургу в виде храма, посвященного небесной покровительнице города — святой Екатерине Александрийской. Оба бизнесмена давно известны своей религиозностью и активностью в области православного меценатства. Сама идея выглядит вполне благородно — уже 89 лет в городе трех Екатерин нет храма святой, в честь которой он был назван. В Екатеринбурге очень мало екатерининской семантики и сдача храма к 300-летию города — хороший способ заполнить эту лакуну.

> *Гладко было на бумаге, но забыли про овраги. Значительная часть конфликтного потенциала сформировали сами инициаторы строительства. Выбор храма не был публично обоснован — никому толком не объяснили, зачем он нужен городу и горожанам. Повестка оказалась предельно локальной — создание значимого общегородского символа обсуждалось только в контексте строительства конкретного здания в конкретном месте. Место, впрочем, постоянно менялось — вообще этот храм блуждает по карте Екатеринбурга уже 10 лет и нигде не может найти себе места.*

Инициаторы строительства ошибочно посчитали, что они имеют высокий авторитет в местном обществе. Проведенный мной еще на первоначальном этапе небольшой опрос екатеринбургских экспертов показал, что Алтушкин с Козицыным сами по себе не вызывают большого интереса в городе за пределами своей клиентелы. Их право дарить городу все, что захочется, мягко говоря, не воспринимается как безусловное.

Но главная ошибка меценатов в том, что изначально был заявлен самый безумный и максимально отталкивающий горожан проект – строительство храма в центре городского пруда. Городской пруд на реке Исеть – самое важное общественное пространство Екатеринбурга, центральное место и точка сборки всего города. Важно также и то, как это было сделано – мнение горожан и настроения активных городских сообществ в расчет тогда, если и принималось, то слабо. Исследования мнения жителей города проведено не было, не говоря уже о выстраивании диалога. Фактически активной части горожан был брошен вызов. Его приняли.

Боевое общество

Общество в Екатеринбурге интересное. По итогам небольшого опроса местных экспертов и собственных впечатлений можно выделить три характерных особенности.

- Гордость горожан. Екатеринбург характеризуется особым типом местной ментальности – устойчивый локальный патриотизм сочетается с выраженным свободолюбием.
- Конкуренция за общие места. Екатеринбург – самый компактный из российских городов-миллионников. В центре не так много свободного пространства, поэтому городские сообщества конкурируют за их использование.
- Спонтанность протеста. Склонность к спонтанной детонации и эскалации городских конфликтов. Пример – перекрытие улиц во время протестов против отмены льготного проезда в 2009 году. «В Екатеринбурге часто происходят общественные конфликты, но это стремление не к революции, а к бунту. При этом сломать горожан невозможно» – говорит один из экспертов, редактор одного из ведущих местных СМИ.

Столкновение с навязанной идеей строительства храма активировало сразу несколько протестных мотивов, которые движут конфликтом по сей день:

- борьба за общее пространство – нежелание горожан становиться объектом социальной инженерии и соглашаться с односторонним решением по использованию общего пространства;
- борьба «против олигархов» – недостаток знаний о намерениях донаторов, приписывание им заведомо неблаговидных намерений;
- антиклерикальный мотив – всегда прослеживался в настроениях противников строительства, но не доминировал;
- политический мотив – изначально был выражен слабо, но оказался подхвачен заинтересованными силами и в настоящий момент вышел, как минимум, на второе место.

Ни один из этих мотивов, кроме, может быть, политического, не был в должной мере учтен. Причем ему явно придавалось повышенное значение, активность противников строительства объяснялась происками недоброжелателей меценатов во власти. В настоящий момент этих недоброжелателей в администрации региона уже нет, а конфликт горит ярким пламенем.

Фатальная логика позиционного торга

«К конфликту привело сочетание факторов, главный из них – люди восприняли строительство как вторжение в их личное пространство. Немалую роль сыграл и конфликтный шлейф истории 2010 года, когда храм хотели поставить на площади Труда. Удачный опыт предыдущего протеста убеждает в том, что победа возможна», – рассказывает местный социолог. Удачным для протестующих этот опыт оказался и в 2017 – 2018 годах, когда ситуация много раз была на грани горячего противостояния, подобного нынешнему.

Проблема сторонников храма, как мне кажется, состоит в том, что они, увидев своих оппонентов, не захотели их понять. Еще с 1970-х годов выделяются два типа переговоров: принципиальные и позиционные. Принципиальные переговоры (т.н. «гарвардская модель») предполагает совместные стратегии поиска соглашения:

через удовлетворение интересов («а чего вы на самом деле хотите»), через принципы («для нас и для вас важно одно и то же»), через сравнение различных вариантов («у вас есть вариант 1, у нас вариант 2, давайте посмотрим, есть ли другие варианты, которые нас устроят»). В позиционных переговорах стороны выдвигают свои условия и потом идут на уступки в ходе взаимодействия. Проблема таких переговоров в том, что они жесткие, могут портить отношения и часто оставляют у обеих сторон ощущение неудовлетворенности результатом. Что в итоге и произошло.

> *Переговорные действия сторонников строительства храма на любом из этапов начиналась с безоговорочного утверждения: «Храму быть!» Однако развитие событий вынуждало идти на уступки. Они были неизбежны, т.к. действовать приходилось в условиях раскола элит. Неважно, каков был и есть расклад в екатеринбургской политике, но поддержка строительства храма св. Екатерины региональными и городскими властями всегда была довольно прохладной.*

Что вполне объяснимо – это не их идея, им она несет, в первую очередь, конфликты. Не до конца устойчива и позиция митрополии. Ей, конечно, нужен этот храм, но строительство курируется и финансируется не через приход, а через фонд св. Екатерины (что недавно подчеркнул в одном из интервью Алтушкин). Не стоит преувеличивать значение этого фактора, но все же он может играть свою роль.

Противники храма восприняли отмену проекта храма на воде как свою победу и продолжили действовать в рамках логики позиционного торга. До тех пор, пока сторонники строительства, добившись большей лояльности властей, не решили прервать его с помощью кранов, бойцов академии РМК и ОМОНа.

Возможен ли сейчас быстрый переход к принципиальным переговорам? Нет. Логика позиционного торга сменилась логикой драки, в которой самое главное – нанести противнику наибольший

урон. Даже прозвучавший призыв президента РФ к компромиссу едва ли поспособствует настоящему диалогу, хотя бы потому, что он завершился фразой: «Меньшинство должно подчиниться большинству». Возможен ли переход к разговору о принципах в будущем — неизвестно, это зависит от оценки результатов прямого конфликта. Но всем сторонам надо что-то сделать, чтобы юбилей не оказался окончательно испорченным.

Автор: Дмитрий Лисицин, руководитель направления «Общество. Власть», «Платформа»